

Вместе с тенью раздался намеренно приглушенный, чистый и звонкий голос:

— Простите.

Едва слова затихли, Цинь Сы почувствовал, как его тело стало невесомым.

Ощущение падения в пустоту: осознав, что его тело оторвалось от инвалидного кресла, Цинь Сы даже глаза широко распахнул. Да как он смеет?!

Не давая Цинь Сы и слова сказать, намеренно приглушенный голос Чжоу Чжэнцина раздался вновь:

— Люди скоро нагрянут сюда, я сперва выведу вас отсюда.

С этими словами, не дожидаясь никакой реакции со стороны Цинь Сы, Чжоу Чжэнцин решительно подхватил его на руки.

Удобнее перехватив ношу, он держал Цинь Сы одной рукой, а второй с усилием вытянул застрявшее инвалидное кресло. С человеком на руках и креслом в другой руке он напрямик направился прочь из этого опасного места.

Устроившись на руке Чжоу Чжэнцина, Цинь Сы совершенно растерялся.

Тело не ощущало твердой опоры, казалось, что он завис в воздухе, лишенный всякого чувства безопасности.

Охватившее его чувство полной беспомощности на мгновение вогнало Цинь Сы в панику: инстинктивно ухватившись за того, кто был рядом, он машинально обвился руками вокруг шеи Чжоу Чжэнцина, а пальцы судорожно вцепились ему в плечо.

Внезапное движение заставило Цинь Сы вложить в этот рефлексивный жест всю силу, до последнего процента — его пальцы даже побелели.

Сознание того, что в эту секунду его руки обвивают чужую шею, вызвало в глазах Цинь Сы вспышку тяжелейшего... унижения.

Разомкнув пальцы, он потупил взор, а его тело донельзя оцепенело — позволив этому наглецу на руках вынести его из опасного места.

Чжоу Чжэнцин двигался очень быстро; даже держа на руках взрослого мужчину и таща другой рукой переделанное, тяжелое инвалидное кресло, он ни капли не выглядел уставшим.

Более того, судя по тому, как бережно Чжоу Чжэнцин его нес, казалось, будто в его руках находится нечто невероятно драгоценное, единственное в своем роде сокровище.

И еще казалось, будто эта ноша настолько ценна и хрупка, что в каждом движении Чжоу Чжэнцина сквозила крайняя осторожность.

Вот только сейчас оба, погруженные в собственные мысли, даже не заметили странности в поведении Чжоу Чжэнцина.

Они вдвоем и кресло быстро добрались до безлюдного угла.

Это было уже довольно далеко от прежнего места, здесь их точно никто бы не стал легко искать.

Оглядевшись по сторонам и убедившись в безопасности, Чжоу Чжэнцин опустил инвалидное кресло.

Установив его должным образом, Чжоу Чжэнцин бережно пересадил на него человека, который всё это время сидел у него на руках, не поднимая глаз и не произнося ни звука.

Стоило ему усадить его и присесть на корточки перед Цинь Сы, как прямо в лицо ему полетел свирепый рассекающий воздух удар ладонью.

И тут же раздался оглушительный, звонкий шлепок.

Громкий звук хлопка разорвал тишину.

Услышав один только этот звук, можно было понять, с какой силой был нанесен удар — лицо Чжоу Чжэнцина тут же откинуло в сторону.

Цинь Сы был доведен до белого каления: его глаза покраснели от ярости, а руки неконтролируемо дрожали.

Лишь отвесив обидчику свирепшую пощечину, Цинь Сы почувствовал, как у него отлегло от сердца.

Цинь Сы еще никогда в жизни не встречал столь наглого и бесцеремонного человека!

Кто просил его брать его на руки? Даже в инвалидном кресле Цинь Сы не из тех, над кем можно безнаказанно издеваться!

Даже если бы он не ушел, у него нашлась бы масса способов выбраться, так какого черта этот тип вообще поднял его, да еще и в таком положении!

При одной мысли о том, в какой позабывшей приличия позе его только что несли, и об ощущавшемся чужом тепле, в глазах Цинь Сы вновь проступило с таким трудом угасшее унижение.

Пусть его тело и парализовано, но он не из тех, кому требуется чужая защита! Цинь Сы вовсе не так слаб!

Да кем возомнил себя этот человек, раз у него хватило наглости подхватить его вот так, оказавшись к нему так близко, настолько бесцеремонно и дерзко!

У Цинь Сы от гнева покраснели глаза, а их уголки расцвели пунцовым.

Даже теперь, когда его уже усадили в инвалидное кресло, ощущение плотного прикосновения чужой плоти и чужого тепла, казалось, все еще никуда не исчезло. У Цинь Сы волоски на теле встали дыбом, а пальцы продолжали мелко дрожать.

Очевидно, он был в ярости.

Никто и никогда не смел обращаться с ним подобным образом, и тем более никто не осмеливался вот так брать его на руки! Никогда раньше; все вокруг всегда выказывали ему почтение и уважение, и только этот человек, только этот единственный человек!

Цинь Сы действительно рассвирепел, и эта пощечина была нанесена совершенно помимо его воли, подчиняясь лишь кипевшему внутри гневу.

Даже после удара Цинь Сы не чувствовал за собой ни малейшей вины.

Более того, ему казалось, что одной пощечины мало, ее было недостаточно, чтобы рассеять накопившуюся в сердце горечь и злобу.

А принявший удар виновник торжества моментально обзавелся пылающей половиной лица — на щеке Чжоу Чжэнцина четко отпечатались следы пальцев.

Даже не глядя на него, Чжоу Чжэнцин прекрасно понимал, что тот лютует, но все же произнес:

— Я сначала помогу вам починить кресло.

Чжоу Чжэнцин не стал смотреть на него в ответ, уставившись на запутавшиеся детали в

нижней части кресла.

Никаких извинений, никаких расспросов и уж тем тем более попыток ударить в ответ — он предлагает починить его кресло?

Цинь Сы едва не задохнулся от злости, нервно усмехнувшись.

Он тут же протянул руку и вцепился в горло собеседника. Надавливая пальцами, он процедил сквозь зубы слова, холодные как зимний ветер:

— Жить надоело?

Ледяной голос, полный морозного холода, пронзил слух Чжоу Чжэнцина.

Хватка на горле начала усиливаться, но Чжоу Чжэнцин не сопротивлялся, лишь с серьезным выражением вглядываясь в лицо Цинь Сы.

Он видел, что сидящий в кресле Цинь Сы чувствует себя глубоко оскорбленным и униженным.

Его некогда прекрасные глаза омрачились мрачной тенью; в этом безупречном взоре сейчас не было и попытки что-то скрыть — лишь сплошной мрак и ярость.

А из-за обиды эти мрачные глаза странным образом покраснели, уголки глаз налились кровью, а сами они сделались донельзя влажными, казалось, еще секунда — и из этих красивых глаз скатятся прозрачные слезинки.

Чжоу Чжэнцин помимо своей воли завороченно смотрел в глаза Цинь Сы.

Цинь Сы, наверное, и не подозревал, что, когда он злится, его прекрасные глаза невольно широко раскрываются, и его стандартные миндалевидные глаза становятся совсем круглыми, выглядя при этом очень... мило... Руки Чжоу Чжэнцина, лежавшие на коленях, на миг судорожно задрожали.

Опомнившись, Чжоу Чжэнцин тут же спрятал эту руку.

Хватка на его горле была не такой уж сильной — по крайней мере, Чжоу Чжэнцин так считал, хотя дышать уже стало тяжело.

Сила пальцев на шее не ослабевала ни на йоту, но Чжоу Чжэнцин все же с трудом выдавил из себя:

— Я сначала починю ваше кресло, а когда закончу, вы сможете...

Пальцы на шее внезапно сжались с новой силой, и у Чжоу Чжэнцина на мгновение потемнело в глазах.

В тот самый момент, когда Чжоу Чжэнцин уже начал всерьез задумываться о том, не пора ли это прекратить.

Хватка на горле резко исчезла, сменившись сильнейшим толчком.

Перед глазами снова вспыхнул свет, но от этого толчка и собственной покорности его тело потеряло равновесие, и он рухнул на землю.

— Кхе-кхе.

Не удержавшись от пары кашлей, Чжоу Чжэнцин поднял голову и увидел, что Цинь Сы уже совладал со своими эмоциями и полностью спрятал ту пугающую, леденящую кровь ауру.

Потирая шею и выравнивая дыхание, Чжоу Чжэнцин снова опустился на корточки.

Тщательно починив запутавшийся узел в кресле, он вновь подсел к Цинь Сы, и на его лице по-прежнему играла мягкая улыбка, а его персиковые глаза смотрели на человека так, будто в целом мире для него существовал только он один.

Полный нежности взгляд.

Но вот взгляд самого Цинь Сы в этот момент окончательно леденел.

<http://bllate.org/book/21854/2267129>